

Каков он на вкус, этот поцелуй, Пэй Яо теперь наконец-то узнал.

Он был... ну, ничего особенного.

Мягкие, едва прохладные губы... Вот только невесть чье дыхание оказалось слишком уж обжигающим, отчего прильнувшие друг к другу уста вмиг стали горячими и нежными.

*

Крупные, тяжелые капли дождя с оглушительным грохотом забарабанили по крыше и по земле, и не прошло и четверти часа, как небо разверзлось настоящим проливным ливнем.

Потоки воды сплошной стеной стекали по наклонной черепице, шумя и бурля без умолку.

Двор усадьбы превратился в бурлящую речушку; потоки воды устремлялись к низинам и через специально выбитые в самом низу каменной ограды отверстия дружно уходили со двора наружу.

С самого утра погода не заладилась, небо заволокли тяжелые тучи, так что семейство Пэй решило никуда не выходить.

И точно: едва день перевалил за середину утра, как хлынул ливень.

Пэй Юва вместе со своими престарелыми отцом и матерью устроились под навесом дома, глядя на стену дождя и ведя неторопливую беседу.

В этом году пшеница уродилась на славу, так что этот ливень пришелся как нельзя кстати: колосья как раз наливались соком и отчаянно нуждались в неге, и если земля напитается влагой вдоволь, то и воду из каналов на поля проводить не придется.

Тем временем на кухне Чанся аккуратно приподнял крышку большого котла, из-под которой повалили клубы густого белого пара.

На пару как раз подспела целая корзина пышных маньтоу из муки грубого помола, а в самом центре красовалась пиала с нежным яичным кремом. Убедившись, что всё пропеклось как надо, юноша перестал подбрасывать дрова в топку.

Чэнь Чжи суетился у соседнего очага. Выложив на блюдо ароматные жареные грибы, он зычно крикнул в сторону двора:

— Обедать пора!

Из-за проливного дождя носить кушанья через двор в главный дом было недосуг; благо, кухня у них была просторной, так что места, чтобы сесть за стол прямо здесь, хватало с избытком.

Пэй Яо выскочил из своего восточного флигеля и в несколько прыжков преодолел расстояние до кухни.

Он мигом расставил столы и табуреты, а едва внутрь зашли отец да дедушка с бабушкой, всё семейство чинно расселось по своим местам.

На столе красовались: миска сочной жирной свинины, обжаренной с ломтиками бамбука, тарелка пикантного салата из сушеного тофу, а также чаша с древесными грибами-муэр, сдобренными сушеными лилиями, и, наконец, блюдо с жареными грибами.

Если не считать свинину да соевый тофу, которые пришлось покупать за деньги, бамбук, древесные грибы и лесные грибы были собраны своими руками в горах, а лилии — выращены на собственном огороде.

В обычные дни им и в голову бы не пришло готовить по четыре блюда за раз; но сегодня из-за дождя работать в поле не пришлось, выдалась свободная минутка, вот они и решили приготовить что-нибудь эдакое, чтобы побаловать себя и отвести душу.

Яичный крем предназначался исключительно для поддержания сил приболевшей Доу Цзиньхуа, остальным лакомства не полагалось.

Сдобренный парой капель ароматного кунжутного масла, пудинг источал густой, умопомрачительный запах.

Пользуясь моментом, пока Чэнь Чжи отвернулся к шкафу за соленьями, Доу Цзиньхуа молниеносным движением зачерпнула добрую ложку нетронутого яичного крема и бухнула её прямо в пиалу Пэй Яо. Рука у старухи действовала с поразительной быстротой: следующим же взмахом она отделила еще одну ложку и переложила её Чанся.

Чэнь Чжи вернулся к столу, неся тарелочку с квашеными овощами. Заметив, что в пиалах у обоих красуются аппетитные куски пудинга, он лишь прикрыл один глаз, сделав вид, будто ничего не произошло.

Крестьянское сословие — будь то мужчина или шуаньэр — от природы обладало недюжинным аппетитом.

Если не считать престарелую Доу Цзиньхуа, которая в последние дни занемогла и ела совсем мало, даже хрупкий Чанся за один присест без труда уплетал полную миску рисового отвара да две огромные маньтоу.

Что уж говорить о Пэй Яо, у которого аппетит был поистине зверским. В его годы один этот парень ухитрялся уминать столько, сколько обычно съедали два, а то и три взрослых человека.

Чанся сидел бок о бок с Пэй Яо. Обеденный стол на кухне был маловат, так что шести членам семьи приходилось сидеть в тесноте, плотно прижавшись друг к другу.

Остальные устроились вполне сносно, но вот Пэй Яо был длинноногим и плечистым богатырем; и пусть с виду он казался поджарым, места его крепкое тело занимало дай бог каждому. Его колено уперлось прямо в бедро сидевшего рядом Чанся.

Чанся незаметно отстранился на пару дюймов в сторону; но, до смерти боясь, как бы взрослые чего не заметили, он не смел делать это слишком явно, а потому лишь испуганно сжался в комок, стараясь казаться как можно незаметнее.

Обычно Пэй Яо уплетал еду за обе щеки, но сегодня его словно подменили: он ковырялся в пиале черепашим шагом и закончил трапезу самым последним.

Стоило ему наконец отложить палочки для еды и подняться на ноги, как Чанся, не успев даже облегченно перевести дух, услышал, как папа велел Пэй Яо идти кормить свиней.

В обычные дни Чанся сам мыл котлы, запаривал корм и тащил тяжелые ведра на задний двор.

Чэнь Чжи принялся убирать недоеденные соленья обратно в шкаф — сегодня угощение было

знатным, так что к простой квашеной капусте никто толком и не притронулся.

Чэнь Чжи бросил через плечо:

— На улице ливень, земля скользкая. Подсоби брату, два ведра свиного варева — ноша не из легких.

— Хорошо, папа, — с самым бесстрастным лицом отозвался Пэй Яо.

Поскольку дождь на улице лил стеной, парень не стал выходить во двор, а уселся прямо перед очагом и принялся раздувать тлеющие угли, вновь разжигая огонь.

Остальные домочадцы потихоньку разошлись по своим комнатам, и на кухне они остались вдвоем.

На Чанся накатил смутный, леденящий душу ужас. Руки его привычно мыли чашки и палочки, но ноги словно налились свинцом и онемели от напряжения.

Вот уже четыре или пять дней он страшился даже взглядом встретиться с Пэй Яо.

Сидевший у костра юноша тоже, казалось, не мог подобрать нужных слов, так что оба молча занимались каждый своим делом.

Пэй Яо в тот день не попробовал ничего особенного и был совершенно не впечатлен «удовольствиями», которые описывали другие.

«Это только те дуралеи, которые ни разу никого не целовали, способны выдумать себе бог весть какое блаженство. Сущие невежды, диву даешься!»

Он вовсе не питал к Чанся каких-то нежных чувств или сердечной привязанности; им движимо было лишь чистое, упрямое любопытство — безумно хотелось разузнать, что же это за штука такая, поцелуй.

И точь-в-точь как говаривал Пэй Чэн с приятелями: среди них только у него одного в доме подрастал суженный.

Если уж и искать кого-то, чтобы испробовать это дело, так у него под рукой имелся готовый, законный человек.

К слову сказать, к самому понятию «суженный» Пэй Яо с самого детства относился без особого трепета.

Отец привез Чанся, вырастил его в их доме, они столько лет делили хлеб и кров, но парень хоть убей не видел никакой связи между этим забитым мальчишкой и громким словом «суженный». И уж тем более не считал, что этот шуаньэр имеет к нему какое-то отношение.

И надо же было такому случиться: поддавшись минутному любопытству, он закинул на него пару взглядов, а ночью — на тебе! — проснулся от мокрого сна.

Пэй Яо не был совсем уж несмышленишем, подобные конфузы случались с ним и прежде, но вот только никогда еще они не сопровождались такими путаными, греховными сновидениями.

Он и без того презирал тех деревенских пошляков, чьи рты не закрывались от похабных фантазий о девках и шуаньэрах, а тут сам сподобился увидеть столь постыдный сон! Эта мысль

приводила его в неопишное бешенство.

Да до такой степени, что на следующий день Чанся стал колоть ему глаза каждым своим движением — всё в нем казалось не так и не эдак.

Чанся всегда был на редкость покладистым, кротким и пугливым малым.

Пэй Яо и сам прекрасно понимал, что вины брата тут нет и в помине.

Но кто виноват, что Чанся был идеальной мишенью для издевательств? В душе юноши зашевелилась темная, необъяснимая злоба, и ему до смерти захотелось сорвать свое дурное настроение на беззащитном брате.

Поколотить его?

Да где это видано, чтобы он руку на шуаньэра поднимал.

Выругать на чем свет стоит? Тоже нельзя.

Стоит Чанся пожаловаться старшим — и папа будет ругать его две недели кряду без перерыва на обед.

Когда Чанся был маленьким, деревенские сорванцы поносили его за глаза, обзывая безродным подкидышем и купленной безотцовщиной. Так его папа потом несколько дней кряду стоял у ворот тех обидчиков и костерил их на всю деревню, да так, что даже молчаливая бабушка, проходя мимо их дома, обязательно смачно плевала на их порог.

Сам Пэй Яо в ту пору тоже на дух не переносил тех двоих малолетних негодяев. Под предлогом «мести за Чанся» он подкараулил их и всыпал им по первое число.

И пусть ему самому тогда знатно досталось, но когда он прижал тех сопляков к земле и заставил реветь в три ручья — даже извалявшись в грязи с головы до ног, на душе у него было невыразимо сладко и триумфально.

К тому же, это был первый случай в его жизни, когда за драку дома его не выдрали, а угостили сладким леденцом.

Бить нельзя, ругать нельзя — от этого бессилия он свирепел еще пуще.

И завидев тогда, как Чанся шагает по тропинке в своих старых тканевых туфлях, он, не раздумывая, просто подошел и наступил ему на пятку.

И точно: этот дуралей умел только вжимать голову в плечи, даже сдачи дать не смел, а когда его допекали окончательно — просто пускал слезу.

Его гнев вроде бы утих, но стоило ему увидеть эти заплаканные, покрасневшие глаза Чанся и его слегка приоткрытые губы, как рассудок Пэй Яо в одно мгновение помутился...

Всякий раз, когда он воскрешал в памяти события того дня, в его груди вспыхивал крошечный, удушливый огонек, который метался по закоулкам сердца, не находя выхода наружу.

Пламя это не бушевало пожаром, но тлело непрерывно, заставляя сердце исходить истомой и зудом, который никак нельзя было унять. От этого он то и дело впадал в дикое беспокойство и неопишную тоску.

Даже ушаты ледяной воды, которыми он обливался с ног до головы, дарили облегчение лишь на краткий миг.

Казалось, во всем белом свете лишь эти прохладные, нежные уста были способны унять и остудить эту необъяснимую, сжигающую его изнутри жажду.

Когда свиное варево наконец подоспело, Чанся аккуратно разлил его по ведрам. Пэй Яо всё так же, не проронив ни звука, нахлобучил бамбуковую шляпу-доули, подхватил тяжелую ношу и размашистым шагом скрылся в пелене дождя.

Едва за ним закрылась дверь, Чанся словно только сейчас обрел способность дышать. Он наспех прибрал кухонный стол, вымыл руки, после чего подхватил вторую бамбуковую шляпу и, укрывшись ею от ливня, пулей пустился наутек к себе в комнату.

Одежда успела слегка намокнуть от летящих брызг, но на теле она должна была высохнуть в считанные минуты. Менять рубаху он не стал, а просто уселся на край кана, тупо уставившись в одну точку.

Придя в себя, он скинул туфли, подложил под спину подушку и, опустив голову, принялся зашивать свои нижние штаны.

Не прошло и получаса, как в дверь его комнаты негромко постучали, отчего его сердце испуганно екнуло.

— Чанся, у меня тут на рубахе рукав по шву пополз, зашей-ка.

Раздался низкий, слегка возмужавший голос. Это был Пэй Яо.

Ливень на улице и не думал стихать; потоки воды, срывавшиеся с навеса крыши, переплетались в сплошную водяную завесу.

Пэй Яо сжимал в кулаке порванную одежду. Сам он был высок, ладони у него были крупными, а пальцы — длинными и изящными; от того, как сильно он сжимал ткань, на тыльной стороне ладони отчетливо проступили синеватые вены.

Он выждал несколько мгновений, но, не услышав изнутри никакого ответа, слегка прищурился. Лицо его потемнело от досады, а безупречные, благородные черты подернулись суровой, колючей жесткостью.

Дверь в комнату заперта не была — лишь плотно притворена, так что он бесцеремонно толкнул створку и перешагнул за порог.

С тихим скрипом дверь закрылась обратно, а едва заметный щелчок дверного засова без следа утонул в яростном шуме непрекращающегося ливня.

*

Пэй Яо ушел, унося с собой аккуратно починенную рубаху.

Губы Чанся слегка припухли и покраснели, а ресницы были влажными от слез.

Его сердце колотилось как безумное, а в груди до сих пор стояла мелкая, непрекращающаяся дрожь.

Пэй Яо вконец потерял всякий стыд и страх! Все взрослые были дома, а он преспокойно ввалился к нему в комнату.

Когда брат снова бесцеремонно прильнул к его устам, Чанся от ужаса едва чувств не лишился, и слезы сами собой хлынули из глаз извилистыми ручьями.

В глубине души Чанся смутно сознавал, что творится какое-то непотребство, но брошенная Пэй Яо короткая фраза: «Законный суженый именно так и должен поступать», — разом лишила его последних сил к сопротивлению.

С самых малых лет ему твердили, что его купили и привезли в этот дом исключительно для того, чтобы он стал суженым для Пэй Яо. А потому перед младшим братом он никогда не смел вымолвить роковое слово «нет».

В детстве он и понятия не имел, что означает это слово — «суженый», и лишь подросши, с удивлением узнал, что ему суждено сыграть свадьбу с Пэй Яо.

Да к тому же с малых лет взрослые возложили на его плечи священную обязанность — заботиться и опекать Пэй Яо во всем.

Язык у него был неповоротливым, окружать брата ласковыми речами он не умел, а потому лишь молча, со всем усердием стирал его вещи, готовил еду, шил одежду да подшивал подошвы, прибирал в его комнате да просушивал на солнце постель.

Этот труд не был для него в тягость, со всеми обязанностями он справлялся легко.

И пусть он был парнем бесхитростным и наивным, после этих двух случаев он прекрасно понял главное: о том, что произошло между ними, нельзя проронить ни единой живой душе, и уж подавно это дело не должно открыться чужим глазам.

*

Тем временем в западной комнате Чэнь Чжи от нечего делать подбирал лоскутки схожих оттенков, чтобы смастерить себе новую заготовку для обувного верха.

Услышав доносившийся со двора голос Пэй Яо, ни он, ни Пэй Юва не обратили на это ни малейшего внимания.

Всю одежду для младшего от начала и до конца шил Чанся, так что в том, что порванный рукав парень понес чинить именно к брату, не было ничего примечательного. Зато им самим выпала минутка покоя.

Ливень бушевал вовсю, заглушая все прочие звуки на подворье, а после сытного обеда на людей неизменно накатывала сладкая лень и дремота. Так что супруги мирно отдыхали у себя в комнате, даже не думая прислушиваться к тому, что творится снаружи.

*

Свиньи, куры, утки да ослик требовали каждодневного корма, так что, едва небо прояснялось, заготовка свежей травы становилась первостепенной обязанностью, которую нельзя было отложить ни на день.

Чанся набил полную корзину сочной травы, хорошенько примяв её руками. Но не успел он

взвалить ношу на плечи, как откуда-то сбоку протянулась крупная ладонь и легким движением подхватила бамбуковый короб.

Встретившись с бесстрастным, лишенным каких бы то ли было эмоций взглядом Пэй Яо, мальчик робко отдернул руки назад, не посмев перечить.

Пэй Яо закинул один короб за спину, а второй ловко подхватил на плечо. Он был высоким и сильным парнем, так что эта скромная ноша для него была сущим пустяком.

Чего нельзя было сказать о Чанся, который за столько лет так и остался худым как щепка, никак не желая наливаясь плотью. Стоило ему взвалить на плечи корзину чуть потяжелее да побольше, как со стороны казалось, будто ноша вот-вот опрокинет его навзничь.

Чанся покорно семенил следом, и за всю дорогу между ними не было проронено ни единого слова.

Вернувшись на подворье и принимаясь раскладывать сочную траву по яслям да загонам на заднем дворе, Чанся то и дело ловил на себе пристальные, изучающие взгляды брата.

Убежать и скрыться от этого взора не было никакой возможности, так что он со всей доступной ему робостью приподнял голову.

Лицо Пэй Яо выглядело на редкость мрачным. Заметив, что на него смотрят, он лишь презрительно фыркнул, демонстративно отвернулся в сторону и больше не удостоил Чанся вниманием.

И вплоть до того момента, когда они снова вышли со двора со вторыми корзинами за травой, он ни разу не взглянул на брата: шел себе вперед, уставившись строго перед собой, и не желал дарить Чанся даже мимолетного взора.

Чанся шел в полном смятении, решив, что у брата снова разыгрался его капризный, непредсказуемый нрав. Он лишь ниже опустил голову, боясь проронить хоть слово.

Они миновали узкую тропинку, огибавшую деревню сзади, и вышли к самой реке. Пройдя немного вверх по течению, они очутились у подножия холма, склон которого изумрудным ковром покрывала сочная, нежная трава.

Увидев такую знатную зелень — скотина от подобного лакомства точно будет в восторге, — Чанся поспешно выудил из корзины серп и принялся споро косить траву.

Солнце припекало нещадно, и вскоре с них обоих градом покатился пот.

Пэй Яо в работе спуску себе никогда не давал и, несмотря на бушевавшую в душе обиду, лениться не думал. Руки у него были длинными, он низко наклонялся и взмахивал серпом с поразительной быстротой и сноровкой.

Забив корзины до самого верха, парни устроились на передышку в благодатной тени раскидистого дерева.

Осушив до дна последние капли из своего бамбукового сосуда, Чанся облегченно перевел дух.

У Пэй Яо запасы воды тоже подошли к концу. Он туго загнал пробку на место и привычным движением закрепил сосуд на поясе.

Чанся от нечего делать сорвал длинную травинку и принялся лениво перебирать её в пальцах, сплетая в незамысловатый узор.

Пэй Яо невольно засмотрелся на его руки. Сколько он себя помнил, этот дуралей вечно крутил в пальцах какую-нибудь безделушку, стоило ему присесть на отдых.

Взор юноши замер на ладонях Чанся.

«Совсем некрасивые».

У любого, кто косит траву в поле, пальцы неизбежно покрываются темным, вьедливым соком растений.

Но дело было вовсе не в этой зелени. Пальцы у Чанся были тонкими и длинными, но суставы огрубели от постоянной работы — такие руки никак нельзя было назвать изящными или красивыми, они лишь без слов кричали о том, что их хозяин с утра до ночи гнет спину в поле.

В первые годы, как Чанся только привезли в их дом, каждую зиму его ладони покрывались страшными цыпками и обморожениями, а кожа лопалась до крови.

Пэй Яо отчетливо помнил, как папа каждый год лично смазывал руки мальчишки топленым свиным салом, чтобы смягчить потрескавшуюся кожу.

В те времена неурожаи следовали один за другим, закрома у всех стояли пустыми, и каждая капля жира в крестьянском доме ценилась на вес золота. Однако Чэнь Чжи каждый раз, скрепя сердце, доставал заветный горшочек и щедро смазывал израненные пальцы приемыша.

Ребенок был совсем крохой, и смотреть на его искусанные холодом руки без содрогания было невозможно. Да к тому же Чанся был купленным ребенком, и если бы они утомили его или застудили, по деревне немедля поползли бы нехорошие слухи.

Маленький Пэй Яо в те поры в такие тонкости не вникал; он был слишком юн и из всей этой истории запомнил лишь то самое драгоценное свиное сало.

За последние годы, когда они вошли в лета, руки Чанся больше не страдали от зимней стужи.

Отдохнув как следует, Чанся отбросил истерзанную травинку в сторону и поднялся, собираясь взвалить корзину на спину.

Однако Пэй Яо вновь бесцеремонно перехватил короб. И пока Чанся стоял в полном оцепенении, юноша вдруг уставился на него взглядом, в котором читалась едва ли не ярость.

Сердце Чанся испуганно екнуло: он никак не мог взять в толк, чем снова ухитрился не угодить брату. Пытаясь вернуть свою корзину, он робко заикнулся, запинаясь на каждом слове:

— Я... я и сам донесу, мне не тяжело.

Пэй Яо едва не задохнулся от злости.

Ему не раз приходилось видеть, как его сверстники заигрывают с девчонками. Те деревенские красавицы да миловидные шуаньэры в ответ на знаки внимания всегда застенчиво опускали глазки и одаривали парней очаровательными, нежными улыбками.

А этот Чанся? Тьфу, смотреть тошно! Он ему и в том подсобит, и в этом поможет, а в ответ — ни

единой улыбки, стоит как истукан с глупым лицом, только тоску наводит!

Пэй Яо с силой закинул короб на плечо и принялся оглядывать Чанся с ног до головы критическим, оценивающим и донельзя придирчивым взглядом.

«Совсем нехорош собой. Кроме губ... всё в нем неказисто!»

Вконец раздосадованный и разозленный на самого себя, статный юноша яростно зашагал прочь. Чанся остался стоять с пустыми руками, так и не сумев вернуть свою ношу.

От этого бесцеремонного, оценивающего взгляда брата ему на мгновение стало невыразимо стыдно и горько; но, не смея отставать, он поспешно припустил следом.

И какими бы странными и натянутыми ни были их отношения, после полудня они снова бок о бок отправились в поле на косьбу.

Пэй Яо шел с явной неохотой, но в его памяти отчетливо воскресли слова, которые папа строго-настрого наказал ему пару лет назад.

Чанся вырос. В их семействе он был единственным шуаньэром, ни близких кузин, ни двоюродных братьев у него в этой деревне не было. А потому, пока Пэй Яо оставался дома, на любые полевые работы они должны были ходить строго вдвоем — оставлять Чанся одного наедине с глухими дорогами было строго-настрого запрещено.

Чэнь Чжи тогда не стал вдаваться в пространные объяснения, но Пэй Яо и без лишних слов прекрасно понял тайный смысл отцовского наказа.

Бойкие, острые на язык девушки да шуаньэры, отправляясь в одиночку в лес, отпор дать сумеют, и обидеть их мало кто рискнет. А вот Чанся уродился тихим, робким и пугливым как овечка. Оставь его без присмотра — и беды не миновать, ведь на белом свете пруд пруди подлецов, которые горазды обижать лишь тех, кто слабее.

<http://bllate.org/book/17875/1725016>